

Сказав это, Цзян Ю горько усмехнулся:

— Я не разбираюсь в музыке, даже базовые ноты не могу понять, поэтому использовал самый простой метод — попросил кого-то перевести ноты той мелодии в цифры и слушал их снова и снова, повторяя за ними. К счастью, сегодня я не опозорился?

Гости в зале, услышав его самоиронию, дружно рассмеялись, но после смеха кто-то первым начал аплодировать, и аплодисменты вновь заполнили зал, не стихая долгое время.

Услышав слова сына и вспомнив только что исполненную им потрясающую мелодию «Звёздный свет», Цзян Чжэнь почувствовал, как его сердце наполнилось теплом. То, что сын так заботится о нём, было чувством, которое он никогда раньше не испытывал. Это чувство даже перевесило его прежнее недовольство и лёгкое презрение к прошлому Юань Ияна. Теперь Юань Иян был уже не тем, кого он только что привёз из трущоб, а его сыном, его родным сыном, Цзян Чжэня.

Что касается Тан Сяосяо, то с того момента, как Цзян Ю заговорил о семейных узах, она снова расплакалась. Слёзы испортили её изысканный макияж, и она уже не выглядела как та решительная и деловая женщина, какой была в бизнесе, или как величественная хозяйка семьи Цзян. Она не могла сдерживать своих эмоций, позволяя слёзам заливать её лицо.

Когда аплодисменты стихли, Цзян Ю глубоко поклонился гостям и твёрдо произнёс:

— Хотя я не считаю своё происхождение чем-то постыдным, я хочу извиниться за неприятные впечатления, которые мог сегодня доставить. Всё это произошло по моей вине, и я надеюсь, что присутствующие не будут винить господина Цзян и госпожу Тан. Они — хорошие люди.

Конечно же, нет.

Цзян Ю поднял голову, глубоко вдохнул и продолжил:

— Изначально господин Цзян и госпожа Тан хотели сегодня представить меня всем, но теперь я хочу сказать, что если моё происхождение и прошлые неприглядные события станут причиной насмешек и пересудов в их адрес, то я отказываюсь.

Услышав эти слова, Цзян Чжэнь и Тан Сяосяо изменились в лице, глядя на сына, который так заботился о них. Цзян Чжэнь почувствовал, как в его груди застрял комок, и, с трудом сдерживая дрожь в голосе, спросил:

— Яньян, что ты сказал?

Голос Цзян Ю вновь прозвучал твёрдо и уверенно по всему залу:

— Если моё существование станет пятном на вашей репутации и репутации госпожи Тан, то я отказываюсь быть вашим приёмным сыном. Простите.

Тан Сяосяо, стоявшая рядом, не выдержала и бросилась к Цзян Ю, обняв его. Её голос прозвучал с сильной дрожью:

— Яньян, я твоя мама, твоя мама! Ты что, отказываешься от меня?

Цзян Чжэнь тоже опомнился. Как они могли дать такому искреннему и преданному сыну, их родному сыну, статус приёмного? Он был настоящим дураком! Дураком!

Решившись, Цзян Чжэнь подошёл и обнял Тан Сяосяо и Цзян Ю, твёрдо объявив всем:

— Иян вовсе не приёмный сын, он наш родной...

— Папа! — голос Цзян Чжэня снова прервался.

Он поднял голову и увидел своего старшего сына Цзян Ци, который появился рядом с ним. Лицо Цзян Ци было бледным, он едва держался на ногах, словно мог упасть от малейшего дуновения ветра.

Этот вид заставил Цзян Чжэня замереть. Если он действительно объявит о настоящем статусе Ияна, то как Ци, которого он вырастил и который спас ему жизнь, сможет с этим справиться?

Почувствовав колебания Цзян Чжэня, Цзян Ю едва заметно усмехнулся. Как иронично.

Цзян Ци, увидев, что Цзян Чжэнь не продолжает, вздохнул с облегчением. Если бы Цзян Чжэнь действительно объявил о настоящем статусе Юань Ияна, он даже не мог представить, что бы с ним стало. Цзян Ци всё никак не мог понять: разве его возрождение не было предназначено для борьбы с семьёй Чжан? Где же он ошибся, что Юань Иян, который в прошлой жизни был ничтожным пешкой, теперь снова и снова совершает странные поступки, угрожая его положению?

Но прежде чем он успел разобраться, до него донесся взволнованный и дрожащий голос Тан Сяосяо, который буквально разорвал его на части.

Тан Сяосяо, взглянув на мужа, который колебался между Цзян Ци и Юань Ияном, решительно оттолкнула руку Цзян Чжэня и дрожащим голосом произнесла:

— Иян — наш родной сын с Цзян Чжэнем, с самого начала он никогда не был приёмным, а нашим родным сыном!

Это заявление взорвалось, как бомба, и шокировало не только Цзян Ци, но и всех присутствующих гостей. У Тан Сяосяо и Цзян Чжэня снова появился родной сын? Такие бизнес-магнаты, как супруги Цзян, во многом похожи на знаменитостей — у них практически нет личной жизни. Каждое их действие фиксируется СМИ и транслируется публике. Даже их выступления или болезни становятся объектом внимания прессы на долгое время, не говоря уже о рождении второго ребёнка.

Если бы Тан Сяосяо действительно снова забеременела, это невозможно было бы скрыть так тщательно. Они никогда не слышали, чтобы у Тан Сяосяо и Цзян Чжэня был второй ребёнок. Неужели... этот Юань Иян — незаконнорождённый сын Цзян Чжэня? Но, судя по тому, как Тан Сяосяо защищала его, это казалось маловероятным.

Пока все гости были ошеломлены этим заявлением, Цзян Ю, казалось, невзначай провёл большим пальцем по указательному.

Пока Цзян Ци изо всех сил пытался придумать для Цзян Ю подходящее решение, которое не повлияло бы на его положение, у входа в зал внезапно возникла суматоха, как будто кто-то спорил.

Через некоторое время двое охранников привели мужчину и женщину. По мере их приближения видно было, что они всё сильнее сопротивлялись, несколько раз почти вырываясь из рук охранников, но те вовремя снова их хватали.

Мужчина и женщина, поняв, что вырваться не удастся, сдались, но их рты не умолкали, и они продолжали ругаться.

Цзян Ци, увидев лица этой пары, чуть не потерял сознание. Это были не кто иные, как его биологические родители, Юань Ган и Пэй Сяоцин. Их появление здесь не стало неожиданностью для Цзян Ю — это был специально подготовленный им подарок для Цзян Ци.

Увидев охранников, стоящих за парой, Цзян Ю слегка удивился. С его нынешними возможностями он мог лишь достать два приглашения, чтобы провести их в зал, но заставить их притвориться охранниками он пока не мог, ведь владелец клуба Ханьцзян был человеком, которого даже Цзян Чжэнь не решался легко обидеть.

Пока Цзян Ю размышлял, кто же ему помог, Юань Ган и Пэй Сяоцин уже начали скандал. Пронзительный голос Пэй Сяоцин, характерный для женщин из трущоб, мгновенно вернул Цзян Ю в реальность. Пэй Сяоцин вдруг начала рыдать, вытирая слёзы и крича:

— Отпустите меня, я ведь настоящая мать старшего сына семьи Цзян, Цзян Ци! Мой сын! Отпустите меня!

Юань Ган тоже был в ярости, указывая на Цзян Ци и ругаясь на охранника, который его держал:

— Ты кто такой, знаешь, кто я? Видишь, это старший сын семьи Цзян, мой родной сын! Будь умником, отпусти меня, не мешай нашей семье воссоединиться!

С появлением Юань Гана и Пэй Сяоцин ранее упорядоченный зал превратился в хаос. Их заявления содержали столько информации, что гости не могли сразу понять, кто эти сумасшедшие, называющие себя родителями старшего сына семьи Цзян, Цзян Ци?

|

<http://bllate.org/book/16238/1459648>